

02.12.2009

Концептуальный театр потомка Афанасия Никитина

Потомок русского мореплавателя и внук одесского аристократа, многообещающий новичок немецкоязычного театра Борис Никитин из Швейцарии показал в Кёльне "Войцека". Публика попалась на крючок и обиделась.

Сцена на уровне зрительного зала. С потолка свисают кабели, микрофоны и лампы. На авансцену выходит молодой человек. Здоровается. Говорит: "Сейчас будет спектакль, а потом дискуссия. А теперь я расскажу, о чем пьеса". Спектакль называется "Войцек".

Одноименная пьеса Георга Бюхнера - одно из самых известных драматических произведений в Германии. В основе – реальный случай. Бывший солдат Войцек, обитатель социального дна в Пруссии 19-го века, убил подругу из ревности и был приговорен к смертной казни. Ему отрубили голову. Но, скорее всего, он был невменяем, а потому - неподсуден. Скандальная история стала важной вехой в истории немецкой юриспруденции. Георг Бюхнер истолковал ее по-своему. Его Войцек сходит с ума и исчезает в пруду. Утонул или нет, неясно. Бюхнер отравился рыбой и умер, не успев дописать до конца свою пьесу.

В зрительном зале сгущаются сумерки. Молодой человек на сцене в круге света непринужденно жестикулирует и, судя по всему, не собирается играть. Он реферировать. Выдвигает тезисы, спрашивает, отвечает, приводит цитаты, факты, делает выводы. Темп речи ускоряется. От зубов отскакивают умные фразы. Иногда он спотыкается, запинаясь, но продолжает говорить. Предисловие явно затягивается. В зале уже совсем темно, но очень весело. Наконец зритель понимает: это и есть спектакль.

Внезапно молодой человек уходит вглубь сцены. Там он становится в

неестественную позу и читает Бюхнера, потом слушает радио, потом цитирует Гражданское уложение, первый гражданский кодекс Германии, и, наконец, провозглашает: спектакль окончен, теперь обещанный разговор со зрителем.

Публика аплодирует. На сцену выходят ведущий и режиссер. Громче всех возмущаются школьники. А где же Бюхнер? Где же Войцек? А что Вы хотели увидеть? Режиссер с интересом смотрит в зал. Зал вибрирует от возмущения. Обстановка накаляется. Наконец, один зритель то ли спрашивает, то ли констатирует: дискуссия – это тоже часть представления? Ответ заглушает рев из громкоговорителей. Молодой человек на сцене снова один и снова говорит. Публика понимает, что ее обвели вокруг пальца. Спектакль продолжается.

Режиссера спектакля "Войцек" зовут Борис Никитин. Тридцать лет. Родом из Базеля. Дедушка – аристократ из Одессы, эмигрант революции, среди дальних родственников числится великий русский мореплаватель Афанасий Никитин.

Deutsche Welle: Не страшно провоцировать публику, спросила я у режиссера, ведь могут и побить за обманутые ожидания?

Борис Никитин: "Всякое бывало. Но некоторым нравится идея, что они стали участниками спектакля".

- В театр ходят как на праздник. А вы заставляете думать. Я бы назвала ваш театр концептуальным, как концептуальное искусство, в котором главное – идея.

- Да, пожалуй, это так. Мой театр рассказывает о театре, обо всем, что в нем происходит, о том, как он устроен и как функционирует. Механизмы театра – главное для меня. Зритель, например, и его ожидания - это тоже часть театра. Или вступительное слово драматурга. Это тоже театр, хотя и не является частью постановки. А у меня и зритель, и все закулисные механизмы – часть постановки. У театра есть свой отработанный алгоритм. А я его сознательно нарушаю и смотрю, что происходит.

- Немецкий театр претендует, как известно, на статус критической инстанции. Но вместо интерпретации часто предлагает репрезентацию. Вот, например, такая тема как расизм или отношение к женщине. Что

происходит в театре? Там на сцене белый актер лупит темнокожего, а актрисы раздеваются до нага. Но кто-нибудь подумал о том, каково темнокожему актеру или актрисе играть одну и ту же роль жертвы? И все потому, что режиссеру это нравится. Театр репродуцирует те же самые ролевые стереотипы, которые он вознамерился разоблачать. Вот и получается, что с виду - критическая инстанция, а на уровне постановочных механизмов - глухое средневековье.

- Немецкоязычный театр хочет быть критической инстанцией. Но очень часто ролевые стереотипы в театре не разрушаются, а лишний раз закрепляются. Как, например, отрабатывается тема расизма? Белый актер лупит на сцене темнокожего актера. То есть тот снова оказывается в роли жертвы. Или женщины, которым то и дело приходится раздеваться на сцене... Вроде бы режиссер протестует против расизма и шовинизма, а на деле использует тот же самый инструментарий, какой пытается критиковать.

- В изобразительном искусстве саморефлексия – обычное дело. Репертуарный же театр слишком неповоротлив, он не может взглянуть на себя со стороны. Надо заставить его выйти из роли, надо взломать отработанный столетиями алгоритм. Мне нравится играть с театром. Мне неинтересно его просто обслуживать. У него есть свои правила. А я считаю, что полезно любые правила время от времени ставить под вопрос. Если случается сбой в политике, происходят революции. А искусство без субверсии просто теряет всякий смысл.

DW-WORLD.DE [Напечатать](#)

02.12.2009

Деконструктор сцены на театральном фестивале в Кёльне

Борис Никитин любит виртуозные и интеллигентные провокации. Он выворачивает наизнанку строгий костюм театра. Он философ и социолог. Он теоретик. Он любит нарушать заведенный порядок и смотреть, что из этого получится.

Борис Никитин родился в 1979 году в Базеле. Работал ассистентом режиссера в берлинском театре Фольксбюне (Volksbühne), изучал прикладное театроведение в Гисене, организовал там в 2005 году

международный фестиваль "Дискурс". Дипломная работа "Ф как Фальшивка" шла на фестивале "plateaux" во Франкфурте и на фестивале "Импульсы" (Impulse) в Северном Рейне-Вестфалии. Проект 2007 года "Войцек" завоевал на фестивале 100° в Берлине первую премию жюри. В сентябре в Базеле прошла премьера новой постановки "Имитация жизни".

Борис Никитин работает также как куратор на фестивалях и в театрах. Дедушка Бориса Никитина по отцовской линии – русский аристократ из Одессы, эмигрировавший в Париж в годы революции, а среди дальних родственников числится великий русский мореплаватель Афанасий Никитин. Беседа состоялась на фестивале независимого театра "Импульсы" в Кёльне.

Deutsche Welle: Берусь спорить, что вам никогда не получить приза зрительских симпатий.

Борис Никитин: Ну почему же. Я так не думаю. Мой театр - не враг зрителю. У меня зритель, можно сказать, на главных ролях.

- Вы привлекаете зрителя к участию в спектакле, но при этом brutally опрокидываете его ожидания.

- Да, это так.

- И как реагирует публика после спектакля?

- Когда как. Однажды мы выступали в Гамбурге. Среди зрителей было несколько человек, которые рассердились не на шутку. Им не понравилось то, что их вовлекли в дискуссию, которая на самом деле была не дискуссией, а частью перформанса. Они почувствовали себя обманутыми. Потому что мы знали, что это "липа", а они нет. Но есть и зрители, которым нравится, что они поневоле стали актерами в спектакле.

- Фиктивная дискуссия, странно ведущие себя на сцене актеры, дискурс вместо фабулы, обманутые зрительские ожидания, теория вместо эмоций. Что это за театр – театр Бориса Никитина?

- Это театр о театре, о его внутренних механизмах, о том, как он устроен и как функционирует. Зритель, например, - это одна из составляющих театра. Мне интересно узнать, с какими ожиданиями приходит человек на

спектакль, ожидает ли он вообще чего-то от театра. Помимо этого, есть еще пространство театра и много чего другого. Любопытно также посмотреть, а, собственно, где начинается и где заканчивается театр. Вступительное слово драматурга перед спектаклем - это же еще не спектакль. Или дискуссия со зрителем после того, как закрылся занавес, - тоже не спектакль. Принято так считать. А у меня все является частью постановки.

- Вы предлагаете театру взглянуть на себя в зеркало, поупражняться в самокопании и делать это прямо во время спектакля. Для чего это нужно?

- Если смотреть вот так глобально, то начинаешь лучше понимать, как устроено целое. В изобразительном искусстве рефлексия давно уже обычное дело. Театр более неповоротлив. Но и в театре есть режиссеры и хореографы, которые практикуют взгляд со стороны. Рене Полеш (René Pollesch), например, видит в театре мощную форму коммуникации и в этом контексте исследует ролевые образы и механизмы их создания.

- Чтобы показывать пальцем на других, надо сначала взглянуть на самого себя?

- Да. Немецкий театр претендует, как известно, на статус критической инстанции. Но вместо интерпретации часто предлагает репрезентацию. Вот, например, такая тема как расизм или отношение к женщине. Что происходит в театре? Там на сцене белый актер лупит темнокожего, а актрисы раздеваются до нага. Но кто-нибудь подумал о том, каково темнокожему актеру или актрисе играть одну и ту же роль жертвы? И все потому, что режиссеру это нравится. Театр на самом деле лишь репродуцирует те же самые ролевые стереотипы, которые он вознамерился разоблачать. Вот и получается, что с виду - критическая инстанция, а на уровне постановочных механизмов - глухое Средневековье.

- Это критика, насколько я понимаю, в адрес репертуарного театра, который существует за счет государственных дотаций и из года в год ставит одни и те же произведения классиков. Больше свободы для экспериментов у так называемого независимого театра. Но там другая проблема. Ему приходится самому искать спонсоров и постоянно доказывать свое право на существование. Удалось ли независимому театру отвоевать, наконец, свое место под солнцем?

- Руководители государственных театров испытывают большой интерес к тому, что происходит на независимой сцене. Проблема в зрителе. Публика, которая ходит в городской драмтеатр или оперу, за редким исключением пойдет в независимый театр. Такая публика ходит на любимых актеров, на классиков. Ничего такого независимый театр не может ей предложить. По-прежнему некоторые зрители и политики, от которых в итоге зависит, кто получит деньги, а кто нет, считают, что независимый театр - это сборище маргиналов, для которых театр - это своего рода хобби, то есть - несерьезный театр. Вот и получается, что судьбой независимых коллективов распоряжаются люди, которые не имеют представления о том, что там действительно происходит.

- А что там происходит?

- Независимая сцена невероятно разнообразна. Там есть все. В последнее время часто можно слышать, что независимый театр - это документальный театр. Но это не совсем так. Да, есть коллектив "Римини Протокол", который сделал несколько постановок в этом жанре и прославился. И есть еще пара другая коллективов, которые тоже давно уже делают что-то похожее. Но сводить всю сцену к одной этой форме нельзя. К тому же это опасно. Потому что все остальное остается в тени, как будто и нет ничего другого. Или говорят, дескать, это мода такая - документальный театр. Поиграли, мол, и хватит. Но независимый театр нельзя сводить к одному знаменателю, и он не стоит на месте. Там постоянно рождается что-то новое.

- Принято противопоставлять: искусство для масс и элитарное искусство. Для кого предназначен ваш театр?

- Я делаю то, что мне интересно, и надеюсь, что мой театр найдет своего зрителя. "Сложное" искусство часто ругают термином "элитарное". Но такая постановка вопроса совершенно неправильна. Искусство не может быть для всех. Всем не угодишь. И нет никакого среднестатистического и к тому же глупого зрителя, которому якобы надо все разжевывать. Это позиция авторитарной власти. Она не доверяет человеку, считает его неспособным без посторонней помощи разобраться в том, что интересно, а что нет. Конечно, проще дать деньги большому театру, который функционирует по отработанной схеме, чем распылять средства среди "маргиналов", у которых, взятых по отдельности, не очень много зрителей. Но стоит подумать, почему это все-таки может быть очень

важно.

Беседовала: Элла Володина Редактор: Дарья Брянцева

| www.dw-world.de | © Deutsche Welle.